

Отечественная история

УДК 329.15

DOI: 10.28995/2658-6541-2020-2-12-37

Бюро Кировского обкома ВКП(б) и проблема политических репрессий в 1937 г.

Владимир И. Бакулин

*Независимый исследователь, Сочи, Россия,
vla20190220@yandex.ru*

Аннотация. Тема политических репрессий занимает видное место в современной отечественной, а также зарубежной историографии. В настоящее время неплохо изучены масштабы явления, структура контингента лиц, пострадавших от репрессий, все более полно выявляются детали политической борьбы по данному поводу в «верхах» партийного руководства Советского Союза. Затронута проблема причин и направленности репрессивных действий властей (в первую очередь в трудах Ю.Н. Жукова). Однако на этом направлении еще пока остается немало «белых пятен». К тому же явно нуждается в более углубленном изучении реализация соответствующей государственной политики в масштабах отдельных республик, краев, областей СССР.

На примере отдельного региона Советского Союза автор статьи выявляет подоплеку политических событий 1937 г., связанных с кануном (первое полугодие) и начальным периодом кампании массовых репрессий. Основное внимание в исследовании уделено вопросу о степени виновности (либо полном отсутствии таковой) у подвергшихся репрессиям советских граждан. Рассмотрено соотношение предъявляемых фигурантам членами бюро Кировского обкома ВКП(б) политических и неpolitical обвинений и показано, что в решениях этого органа сплошь и рядом сочетались реальная основа персональных дел (обвинения в коррупции, безобразном управлении вверенными объектами и т. п.) с надуманными политическими «довесками». Система управления Кировской областью в рассматриваемый период отличалась высокой степенью централизации. Ключевым звеном ее выступало бюро областного комитета ВКП(б), анализ протоколов заседаний которого, отличающихся информационной насыщенностью и достаточно высокой степенью достоверности, положен в основу данного исследования.

Ключевые слова: политические репрессии, политические и неполитические обвинения, оппозиция, вредительство

Для цитирования: Бакулин В.И. Бюро Кировского обкома ВКП(б) и проблема политических репрессий в 1937 г. // История и архивы. 2020. № 2. С. 12–37. DOI: 10.28995/2658-6541-2020-2-12-37

Bureau of the Kirov regional committee of the CPSU (b) and the issue of political repressions in 1937

Vladimir I. Bakulin

*Independent researcher; Sochy, Russia,
vla20190220@yandex.ru*

Abstract. The theme of political repressions occupies a prominent place in modern national and foreign historiography. By now, the scale of the phenomenon, the structure of the contingent of the people affected by repressions has been well studied, and the details of the political struggle connected with that issue in the “top” party leadership of the Soviet Union are becoming more and more fully revealed. The issue of the reasons and the direction of the repressive actions of the authorities was touched upon (primarily, in the works of Yu.N. Zhukov). However, there are still many “white spots” in the field. Moreover, the implementation of the corresponding state policy regarding the specific republics, territories, and regions of the USSR demands more in-depth study.

By the example of one of the regions of the Soviet Union, the author reveals the background of the political events of 1937, related to the eve (the first half) and the initial period of the campaign of mass repressions. The main attention in the research is paid to the issue of the degree of guilt (or total lack of one) of the Soviet citizens who were subjected to repressions. The author considers the ratio of political and non-political charges brought against the defendants by the members of the Bureau of the Kirov regional Committee of the CPSU(b) and shows that the decisions of that body all too often combined the real basis of personal cases (accusations of corruption, poor management of entrusted objects, etc.) with far-fetched political “add-ons”. The management system of the Kirov region in the period under review was characterized by a high degree of centralization. The key link of that management system was the Bureau of the regional Committee of the CPSU(b); its minutes of meetings characterized by information density and a sufficiently high degree of reliability laid the basis for the present research.

Keywords: political repressions, political and non-political accusations, opposition, sabotage

For citation: Bakulin, V. (2020), “Bureau of the Kirov regional committee of the CPSU (b) and the issue of political repressions in 1937”, *History and Archives*, no. 2, pp. 12–37. DOI: 10.28995/2658-6541-2020-2-12-37

Введение

Проблема политических репрессий занимает видное место в современной отечественной историографии. Определенное внимание ей уделили и зарубежные авторы. Не пытаясь «объять необъятное», отметим лишь наиболее существенные тенденции в ее развитии. В настоящее время наиболее полно освещены вопросы о масштабах явления [Земсков 1995; Ферр 2007], о структуре контингента подвергшихся репрессиям лиц [Земсков 1991], о соответствующих решениях и действиях общегосударственной власти. Идет процесс изучения связанной с ними политической борьбы в партийных «верхах» [Шубин 2010]. Слабее изучена реализация политики массовых репрессий на местах. В связи с этим определенный интерес представляют собой попытки оценить ее через призму судеб региональных руководителей¹, хотя в данном случае речь идет не о Кировской, а о Свердловской области. На материалах первой из них коснулся проблемы политических репрессий П.А. Чемоданов [Чемоданов 2019], но лишь в контексте истории стахановского движения в регионе.

В проблематике, связанной с темой политических репрессий 1930-х гг., одним из наиболее сложных и дискуссионных является вопрос истинной виновности людей, осужденных по 58-й статье Уголовного кодекса РСФСР. Речь идет не только о фактах совершенных или несовершенных преступлений (в понятиях и юрисдикции того времени), но и о степени политической окраски и целенаправленности осуществленных деяний в тех случаях, когда таковые несомненны. В последние десятилетия в этом вопросе произошел серьезный сдвиг от попыток свести причину массовых репрессий 1937–1938 гг. к несложному их объяснению стремлением Сталина к установлению режима неограниченной личной власти [Хлевнюк 2010] к более глубокой концепции Ю.Н. Жукова, выводящего основную причину таковых из неудавшейся сталинской попытки демократизации советской системы [Жуков 2003]. Тем не менее проблема еще нуждается в более основательной проработке, в том

¹ Сушков А.В., Разинков С.Л. Руководители Свердловской области: первые секретари обкома ВКП (б) – КПСС и председатели облисполкома: 1934–1991: Биографический справочник. Екатеринбург: Банк культурной информации, 2003. 284 с.

числе и с привлечением материалов регионального уровня. Она является центральной в данном исследовании.

В те годы в роли первой инстанции, рассматривавшей и оценивавшей поведение и поступки советских людей (в первую очередь коммунистов), часто выступали партийные органы. На региональном уровне особая роль принадлежала узкому кругу лиц – членам бюро областного комитета ВКП(б), на чьих заседаниях вопросы персонального характера заслушивались регулярно. Под этим углом зрения в данной статье проанализированы материалы заседаний бюро Кировского обкома партии за 1937 г. – период, включавший в себя полугодие кануна кампании массовых репрессий и их начальный этап, до январского пленума ЦК 1938 г. – первой серьезной попытки затормозить маховик репрессий. Протоколы заседаний – информативно насыщенный и довольно достоверный, предназначенный для узкого круга руководящих лиц источник. Деятельность бюро рассматривается в контексте общегосударственных процессов и событий, с привлечением дополнительных источников. Хронологические рамки исследования дают возможность сопоставить два периода в плане интенсивности репрессивных действий регионального партийного руководства, выявить влияние, оказанное на них директивными указаниями «центра», в том числе начала июля 1937 г.

По данным на 2 января 1937 г. в заседании бюро участвовали: первый секретарь обкома А.Я. Столяр, председатель областного исполкома Советов А.А. Бобков, второй секретарь обкома С.П. Акопян, заведующий промышленно-транспортным отделом обкома партии М.Н. Родин, начальник областного управления НКВД О.О. Абугов, зампредседателя облисполкома П.К. Легконравов, а также – Дубинский². После прошедшей в мае второй областной партийной конференции состав бюро радикально изменился. На 19 июня из его «старых» членов в работе участвовали лишь вступивший в должность первого секретаря обкома Родин (Столяр в июне был переведен на равнозначную должность в Свердловск) и ставший председателем исполкома областного Совета (облисполкома) Легконравов. Новым начальником УНКВД в это время значился Р.И. Аустрин. Наряду с ними членами обновленного органа являлись А.С. Кайдалов, Ф.П. Наумов, Г.П. Опарин, Э.Х. Филюшкина, а также Лисин и Миронов³.

На рассмотрение бюро Кировского обкома ВКП(б) выносились вопросы, связанные с различными сторонами жизни региона – хозяйственные, политические, социальные, организационные,

² Центральный государственный архив Кировской области (ЦГАКО). Ф. П-1290. Оп. 1. Д. 28. Л. 1.

³ Там же. Д. 32. Л. 1, 46.

а также – довольно системно – персональные дела коммунистов, уличенных в совершении подлежащих наказанию проступков или преступлений. В первой половине 1937 г. эти дела в массе своей явно распадались на две основные категории – оцениваемые либо как политические (по крайней мере, имевшие политический оттенок), либо лишенные такого компонента. Первые в большинстве случаев воспринимались преступными деяниями, подлежащими более суровым репрессиям, вторые под этим углом зрения могли быть классифицированы не более чем проступками. Однако часть последних тоже попадала в разряд преступлений, но уже не политического, а уголовного характера.

Классификация рассматриваемых кировскими руководителями дел в решающей степени определялась царившей в государстве и обществе атмосферой, которая в первую очередь и главным образом задавалась установками и действиями верховной партийной власти. Особое влияние на нее оказали судебные процессы августа 1936 г. и января 1937 г. над лидерами левой оппозиции, сопровождаемые травлей таковых в СМИ. Местные власти оперативно реагировали на соответствующие сигналы «сверху». В самом начале года, 8 января, Кировский обком дал указание районным комитетам обсудить передовицу газеты «Правда», номера от 4 января «Революционная бдительность и подъем партийной работы» на закрытых партийных собраниях⁴. Даваемая статьей установка «местам» концентрированно отражалась следующим фрагментом ее текста: «Последние годы характерны тем, что буржуазия [зарубежная. – В. Б.] обрела вернейших псов в лице троцкистско-зиновьевских мерзавцев, которые во славу своих фашистских хозяев идут на любую пакость и подлость, лишь бы навредить стране Советов. На штыках империалистов, ценой военного поражения нашей социалистической родины подлейшие из подлых – Троцкий, Зиновьев, Пятаков, Радек, Сокольников и др. – намеревались вернуть к власти старых, алчных хозяев жизни, восстановить капитализм в СССР»⁵.

В последующие месяцы важнейшим политическим ориентиром для местных работников выступали решения февральско-мартовского (1937 г.) пленума ЦК, формально сделавшего заявку на углубление советской демократии в процессе реализации положений Конституции СССР 1936 г.⁶ Но особое значение для дальнейшей

⁴ Там же. Д. 28. Л. 23.

⁵ Правда. 1937. 4 янв. С. 1.

⁶ Материалы февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б) 1937 года (23.02.1937 – 05.03.1937 гг.) [Электронный ресурс]. Библиотека Захарова А.А. URL: <http://захаров.net/static/upload/books/file/9975.pdf> (дата обращения 08 сентября 2019).

эволюции политической жизни страны имело наметившееся в ходе работы пленума соединение темы предстоявшей выборной кампании с установкой немалой части номенклатуры на продолжение и усиление репрессий в отношении не только политической оппозиции, но и всех потенциальных ее противников и недоброжелателей.

От февральско-мартовского до июньского пленума ЦК ВКП(б)

Итак, мишенью политических преследований в начальный и последующие месяцы 1937 г. в первую очередь выступали сторонники левой оппозиции. Обвинение в причастности к этому течению часто фигурировало в материалах бюро Кировского обкома ВКП(б) при рассмотрении персональных дел. В частности, оно было предъявлено председателю Воткинского городского Совета Хасьянцу, заведующему отделом школ обкома партии В.Д. Мазурову, редактору газеты «Удмуртская Коммуна» Кильдебекову, директору строящегося Глазовского льнокомбината А.Г. Соколову и другим. Снятому в январе с административной должности Хасьянцу ставилось в вину, что он вел «контрреволюционную троцкистскую пропаганду», допуская при этом «наглые выпады и клевету против вождей партии и государства». (За компанию с ним пострадали секретари Воткинского райкома ВКП(б) Козленко и Ермаков, которые имели неосторожность организовать теоретическую конференцию с элементами дискуссии по внутрипартийным проблемам: оба лишились должностей и членства в бюро райкома⁷.) Мазуров получил выговор за «сокрытие от партии своих троцкистских выступлений в период 1923–1924 гг.»; Соколова исключили из партии как «активного контрреволюционера троцкиста»; Кильдебеков угодил под проведенную на рубеже 1936–1937 гг. «чистку» редакции «Удмуртской Коммуны» от «классово-чуждых и враждебных элементов»⁸.

При всем разнообразии сюжетов антитроцкистских постановлений бюро большинству из них была присуща непроясненность сути разногласий фигурантов-«троцкистов» с партийным большинством. В первой половине 1937 г. крайне редкий случай предметного обвинения в троцкизме был отмечен в конце весны – начале лета, когда Немский райком ВКП(б) снял с работы, объявив строгий выговор с занесением в личное дело, замдиректора МТС Пехотина, обвинив его в «пропаганде контрреволюционной троцкистской

⁷ ЦГАКО. Ф. П-1290. Оп. 1. Д. 28. Л. 18.

⁸ Там же. Д. 30. Л. 1, 8.

теории о невозможности построения коммунизма в одной стране». Впрочем, бюро обкома сочло аргументацию наказания не вполне убедительной, решение райкома отменило, но Пехотину все же было указано, что «им был недостаточно полно и точно разъяснен» этот непростой вопрос⁹. Но в подавляющем большинстве случаев картина была иной.

В ранее приведенных материалах партийного органа не разъяснялось, в чем именно проявлялась «контрреволюционная активность» А.Г. Соколова, как и «троцкистская» сущность его воззрений. Отсутствовала конкретика в обвинительном вердикте по делу Хасьянца. Что касается якобы скрытых от партии «троцкистских выступлений» 14-летней давности В.Д. Мазурова, то – судя по дополнительным источникам – таковые сводились главным образом к его выступлению в защиту несправедливо (как он считал) наказанных волостным партийным комитетом двух коммунистов. После пленума обкома партии 2 февраля 1937 г., где он выступил с «покаянной» речью, признав свои политические «колебания» в начале 1920-х гг., Мазуров был понижен по службе, став заведующим Сарапульским РОНО. 13 ноября того же года подвергся аресту органами НКВД, а на следующий день был исключен из партии¹⁰.

Определенный свет на методы борьбы кировских лидеров с троцкизмом в рассматриваемый период проливает их повторное обращение в марте 1937 г. к вопросу об «Удмуртской коммуне». К этому времени члены бюро обкома сочли, что и новым редактором газеты «троцкистское наследие» Кильдебекова искореняется неудовлетворительно. Обновленному составу редакции был предъявлен следующий набор претензий и обвинений: 1) ею допускаются «ошибки и извращения»; 2) низок тираж издания; 3) слаба связь с массами; 4) отсутствует работа с селькорами; 5) слабо освещаются вопросы партийной жизни; 6) не развернута самокритика. Нетрудно заметить, что в перечисленных пунктах никоим образом не просматривается специфическое влияние троцкизма на жизнедеятельность редакции. К вопросу – а был ли мальчик? и не имеем ли мы в данном случае дело с сознательным подыгрыванием жестко задаваемой «сверху» политической моде? – подталкивает и повешенный на бывшего редактора удивительный, по существу нелепый ярлык «троцкист-националист»¹¹.

На аналогичные подозрения наводит и текст датируемого тем же месяцем постановления бюро Кировского обкома ВКП(б) о работе регионального Совета Осоавиахима. В документе без тени

⁹ Там же. Л. 111, 111 об.

¹⁰ Там же. Оп. 5. Д. 1372. Л. 13–17.

¹¹ Там же. Оп. 1. Д. 30. Л. 1.

сомнения утверждалось, что «вследствие потери большевистской бдительности председателя... т. Давыдова аппарат областного Совета... засорен троцкистами и классово-чуждыми элементами». Но в качестве доказательства сего политического вывода авторами текста приводились факты банальной коррупции, а именно – «грубое нарушение финансовой дисциплины: разбазаривание общественных средств, большая дебиторская задолженность и растраты», а также включение «очковтирательской информации» в отчетную документацию. Логичным продолжением стало поручение руководителю областного финансового управления Юрушкину провести тщательную ревизию всей финансовой и хозяйственной деятельности Совета ОАХ, а новому председателю этого органа – Каманину – осуществить кадровую «чистку». Понятна главная цель последнего мероприятия – преодоление коррупции, но в документе упорно говорилось об избавлении от «враждебных и классово чуждых элементов»¹².

Следует все же признать, что в первой половине 1937 г. далеко не всегда обвинениям и наказаниям за те или иные проступки и даже явные преступления членами бюро обкома придавался политический оттенок. В частности, не был задействован политический контекст в случае с замдиректора Зареченской МТС Бакиным, скупавшим у трактористов трудодни «с целью получения соответствующих доходов»¹³. В январе 1937 г. кировское руководство вышло в ЦК ВКП(б) с предложением снять с должности секретаря Кильмезского райкома Колупаева, который не только попустительствовал распространению «пьянства и бытового разложения» в среде партийного актива, но и дискредитировал себя «организацией коллективной пьянки с руководящими работниками района». Политический контекст отсутствовал и в этом, и в ряде следующих сюжетов. Администрация Арпорекского лесопильного завода долгое время была причастна к имевшим здесь место хищениям государственной собственности. Этому, как и зажиму самокритики на предприятии, весьма способствовало то обстоятельство, что директор Буряков «поставил в свою материальную зависимость партийных и профсоюзных работников завода». Рассмотрев персональное дело Бурякова, члены бюро обкома приняли решение лишить его должности, с привлечением к уголовной ответственности. Вопрос о партийности бывшего директора на время следствия остался открытым; секретарю райкома ВКП(б) Семенову за недосмотр был объявлен выговор¹⁴.

¹² Там же. Л. 2 об.

¹³ Там же. Л. 111 об.

¹⁴ Там же. Л. 23–23 об.

В конце весны 1937 г. в Кировском областном комитете комсомола были выявлены серьезные финансовые нарушения. В их числе: перерасход бюджета предшествовавшего года на 73 тысячи рублей; незаконное расходование отдельными работниками обкома (в частности секретарем обкома Ляпиным) в личных целях казенных денег, задержка выдачи зарплаты сотрудникам некоторых райкомов ВЛКСМ и др. За эти прегрешения решением областного партийного руководства заведующий финансовым сектором обкома комсомола Рылов был снят с работы и привлечен к уголовной ответственности; был объявлен выговор (с переводом на иное место работы) Ляпину. Но при этом в постановлении бюро не содержалось и намек на троцкистов, вредителей или «классово чуждых», а общая оценка по сути преступных действий сводилась к явно шадающей формулировке – «безответственное отношение»¹⁵.

Удивительно снисходительным выглядит решение по делу о Сарапульском детдоме № 5, рассмотренном членами бюро 5 января 1937 г. Здесь, в отсутствии воспитательной работы, в подростковой среде широко распространились воровство, пьянство, хулиганство. У многих воспитанников не было обуви, белья, верхней одежды, головных уборов. Областной отдел народного образования на все эти безобразия не реагировал. Тем не менее партийное руководство в принятом по делу и лишенном карательной составляющей постановлении ограничилось организационными мерами, призванными навести порядок в детдоме, а в числе намеченных мероприятий значилось даже повышение зарплаты его сотрудникам¹⁶.

В то же время дело, начинавшееся как уголовное, в процессе разбирательства могло перерасти в политическое. Примером тому служит проведенное партийными и государственными органами расследование деятельности руководства Каракулинского района области. Секретарь райкома Белоусов и председатель исполкома районного Совета Кобелев более двух лет совершали преступления коррупционного характера. В конечном счете, лишенные должностей, они были привлечены к уголовной ответственности. Однако в процессе следствия в деле произошел крутой поворот. В начале лета 1937 г. на районном партийном собрании было заявлено о выявлении связи обвиняемых «с разоблаченными... контрреволюционными троцкистскими элементами» из Сарапула и Свердловска. На этом основании члены бюро Кировского обкома ВКП(б) сделали вывод о том, что «расхищение государственных средств, зажим самокритики, грубейшие нарушения революционной законности в отношении колхозников и единоличников являются прямым

¹⁵ Там же. Л. 102.

¹⁶ Там же. Д. 28. Л. 18 об.

следствием контрреволюционной деятельности». Бюро поручило прокуратуре «провести дополнительное расследование преступной деятельности бывшего руководства района *с этой точки зрения*»¹⁷ (курсив мой. – В. Б.). В ходе продолженного следствия за злоупотребления по службе был уволен прокурор Каракулинского района Чикуров, а специальной комиссии обкома партии поручалось выяснить, почему указанные хищения государственной собственности не пресекались работниками областного финансового управления¹⁸.

В этом сюжете не вызывает сомнений сам факт преступной деятельности бывших руководителей Каракулинского района (и не только этого района, о чем будет сказано ниже) и даже политический компонент таковой – провоцирование озлобления населения, что неизбежно подпитывало антисоветские настроения. Однако, как и в целом ряде похожих случаев, анализируемый материал и его авторы не дают ответа на вопрос: каким образом троцкистская идеология могла вдохновлять деятельность коррупционеров, влиять на ее содержание? Люди, психологически ориентированные на удовлетворение любыми способами своих материальных запросов, могли вполне обходиться без идейных и теоретических изысков.

Наряду с преследованием заподозренных в троцкизме членов ВКП(б), часто используемой в партийных документах региона формулой политических преступлений в первой половине 1937 г. выступали обвинения во вредительстве. Таковое было предъявлено на заседании бюро 10 июня директору Чернавской МТС Лысенко, его заместителю Бочарову, старшему механику Жеребцову, по чьей вине ремонтные работы не были обеспечены нужными запасными частями и «трактора были фактически выведены из строя», а план вспашки выполнен лишь на 30%. Члены бюро сочли также, что препятствием к введению правильных севооборотов в колхозах явился «вредительски составленный» руководством МТС план посевных работ¹⁹. Причиненный экономике района ущерб был ощутимым и несомненным, в силу чего использование термина «вредительство» (от корня «вред») с определенными оговорками представляется небеспочвенным. Хотя при этом, как и во многих других подобных случаях, оставался открытым вопрос о том, явился ли хозяйственный провал следствием злого умысла или, что более вероятно, его обусловили иные объективные и субъективные факторы?

В этом же ключе был составлен вердикт бюро обкома от 11 июня относительно директора Воткинского машиностроительного завода

¹⁷ Там же. Д. 30. Л. 109 об.

¹⁸ Там же. Д. 30. Л. 109 об.; Д. 32. Л. 37.

¹⁹ Там же. Д. 30. Л. 120 об.

Иванова. Директора уволили за то, что он не обеспечил надлежащего руководства предприятием («сорвано выполнение производственной программы... дезорганизовано снабжение завода сырьем и материалами») и «необходимой борьбы с вредительством». Члены бюро выразили твердую уверенность в том, что именно оно – корень зла рассматриваемой ситуации, однако никакой конкретной аргументации в подтверждение своей убежденности не привели. Два дня спустя на завод был назначен новый директор²⁰.

Весной – летом 1937 г. характерной чертой сюжетов о «вредительстве» было спускаемое «сверху» требование выявлять и разоблачать злоумышленников. По крайней мере, с времен февральско-мартовского пленума ЦК ответственность не выполнявших данное условие повышалась. В Кировской области эта задача со всей категоричностью была поставлена местными лидерами перед членами партийной организации, хозяйственниками и иными руководителями лишь накануне или в процессе работы июньского пленума ЦК ВКП(б). Хронологически это ужесточение совпало с приходом Родина на должности первого секретаря Кировского обкома ВКП(б), но вряд ли его следует выводить лишь из личностного фактора, поскольку и его предшественника трудно заподозрить в излишней мягкости. По утверждению Ю.Н. Жукова, А.Я. Столяр входил в группу тех региональных руководителей, под чьим давлением во время июньского пленума И.В. Сталин был вынужден дать согласие на проведение массовых репрессий [Жуков 2003, с 437]²¹.

Первое полугодие массовых репрессий

В начале июля члены бюро Кировского обкома ВКП(б), заслушав сообщение нового первого секретаря о состоявшемся в Москве июньском пленуме ЦК, «целиком и полностью» одобрили итоги столичного форума, предписав обсудить их на собраниях низовых партийных организаций. Внешне акцент делался не на политической, а на экономической тематике. Поскольку на пленуме ЦК, помимо вопроса о предстоящих выборах в Верховный Совет СССР, обсуждалось и состояние сельского хозяйства страны, областное руководство дало установку на всех уровнях «связать обсужде-

²⁰ Там же. Д. 32. Л. 1, 40.

²¹ Правда, Ю. Жуков ошибочно назвал его руководителем горьковской областной партийной организации; de facto Столяр 10 июня возглавил Свердловский обком ВКП(б). См.: Сушков А.А., Разинков С.Л. Указ. соч. С. 29.

ние решений пленума с решением текущих хозяйственных задач» (улучшение работы МТС, севообороты и др.)²²

Но параллельно велась подготовка и к делам иного рода. 8 июля 1937 г. (во исполнение телеграфного распоряжения ЦК партии от 3 июля) была сформирована региональная репрессивная «тройка». В ее состав вошли: секретарь обкома Ф.П. Наумов, заместитель областного прокурора И.Н. Мухин и начальник местного управления НКВД Р.И. Аустрин, которого месяц спустя (и в занимаемой служебной должности, и в «тройке») сменил Л.П. Газов. В роли председателя чрезвычайного органа в обоих случаях выступали представители НКВД²³.

С этого времени постепенно нарастал накал политических обвинений, либо «в чистом» виде (преимущественно в троцкизме), либо в сочетании с экономическими преступлениями, типично – под эгидой все того же понятия «вредительство». Участились обвинения и наказания за связь с «врагами народа». В августе с такой формулировкой был исключен из партии и снят с работы заведующий областным издательством В.Г. Глазырин²⁴. 8 сентября бюро обкома исключило из партии П.Я. Кабакова «за антисоветскую агитацию и связь с врагом народа» (находившимся в это время под арестом бывшим первым секретарем Свердловского обкома. – В. Б.) И.Д. Кабаковым²⁵. Все чаще под ударом оказывались те руководящие работники, которые недостаточно активно выявляли «вредителей». Так, «за проявленную политическую слепоту в разоблачении врагов народа» 13 июля получил выговор и лишился своей должности второй секретарь Слободского райкома партии А.Я. Гордеев. В контексте «борьбы с троцкизмом» в июле был снят с должности секретарь Сарапульского райкома ВЛКСМ Перминов. Ему вменялось в вину, что он (а с ним и ряд комсомольцев) «руководствовались контрреволюционной троцкистской теорией противопоставления комсомола партии, а также тезисом о том, что среди комсомольцев не может быть врагов»²⁶.

На новом этапе в массе персональных дел с обвинительным уклоном, впрочем, как и прежде, преобладали сюжеты, связанные с экономикой – промышленными предприятиями, сельским хозяйством, финансами, большинство из которых проходило по категории «вредительство». В июле за пассивность в деле «разоблачения вредителей» был исключен из партии и снят с должности

²² ЦГАКО. Ф. П-1290. Оп. 1. Д. 32. Л. 39 об., 40.

²³ Там же. Оп. 115. Д. 2. Л. 12, 28.

²⁴ Там же. Оп. 1. Д. 34. Л. 14.

²⁵ Там же. Л. 47.

²⁶ Там же. Д. 32. Л. 30, 60.

директор Макарьевской МТС Г.И. Крылов. Областной прокурор получил указание ускорить следствие по МТС, а райкому ВКП(б) было указано на «недопустимую медлительность» в этом деле²⁷.

Получили дальнейшее развитие некоторые ранее начатые дела, причем оценки действий их фигурантов и наказания заметно ужесточились. Вот одно из масштабных и громких дел того периода. Еще весной 1937 г. в Зюздинском районе области были выявлены факты – по внесенной в протокол заседания формулировке – «грубейшего нарушения революционной законности» и «издевательства над единоличниками». Выяснилось, что финансовые органы длительное время практиковали налоговое переобложение единоличных середняцких хозяйств. В ходе изъятия завышенных налогов случались конфискации вещей домашнего обихода, продажа имущества единоличников за бесценок, арест имущества без составления описи.

Партийные руководители осудили указанные действия как преступные и, обозначив их политический аспект, охарактеризовали таковые как «акты провокационной деятельности враждебных элементов». Был поставлен вопрос об ответственности областного финансового управления, фактически потворствовавшего такого рода нарушениям своим бездействием при проведении проверок на местах, и о засоренности ОблФУ «элементами политически слепыми и классово враждебными». По итогам обсуждения областному прокурору Постникову было предложено возбудить уголовное дело против уже исключенного из партии заведующего Зюздинским районным финансовым отделом Черанева, специальной комиссии поручалось провести проверку налоговой политики возглавляемого Д.Н. Юрушкиным областного финансового управления. Районным комитету ВКП(б) и исполкому Совета вменялось в обязанность «немедленно и полностью исправить все допущенные в районе нарушения законности», а постановление бюро обкома озвучить на районном партийном собрании²⁸.

Давая оценку выявленным в данном случае безобразиям, члены бюро не могли не ориентироваться на ранее появившееся (в феврале того же 1937 г.) постановление ЦК ВКП(б) «О положении в Лепельском районе БССР», где речь шла об аналогичных действиях (при попустительстве Минска) властей одного из районов Белоруссии. Дело приобрело громкий характер, реакция Москвы была жесткой: шесть сотрудников Лепельского райисполкома Советов во главе с председателем пошли под суд, был объявлен выговор наркомму финансов СССР Г.Ф. Гринько, «указано» председателю Совнар-

²⁷ Там же. Л. 71.

²⁸ Там же. Д. 30. Л. 109, 109 об.

кома республики Н.М. Голодеду, бывшему первому секретарю ЦК КПБ Н.Ф. Гикало и сменившему его Волковичу, причем последний уже в марте тоже был снят с должности [Жуков 2003, с. 326].

После проведения соответствующих проверок и получения дополнительных сведений бюро Кировского обкома вернулось к рассмотрению данного вопроса в последнюю декаду июля 1937 г. Теперь география рассматриваемого явления явно расширилась – речь пошла уже не об одном, а о нескольких районах области: к Зюздинскому району добавились Каракулинский и Куменский. (В начале сентября этот список пополнит и Кикнурский район²⁹.) Оценки и намеченные меры, в том числе и карательного характера, несколько ужесточились, хотя трудно сказать, было ли это сделано в обычном рабочем режиме или под влиянием июльского поворота «центра» к политике массовых репрессий. В постановлении бюро закономерно особое внимание уделялось областному финансовому управлению. ОблФУ теперь был объявлен «центром, откуда шли в район вредительские установки». Однако при этом, вопреки логике, в вину руководству финуправления ставилось лишь попустительство («своим бездействием») «провокационным действиям» в районных структурах. Впрочем, с уточнением: заведующий ОблФУ и партийная организация учреждения не выполнили неоднократные указания обкома «об очищении аппарата».

Решением бюро Д.Н. Юрушкин лишился должности (с заменой его председателем Шабалинского районного исполкома Советов П.А. Яблоковым), ему был объявлен строгий выговор по партийной линии. Обновленному руководству облФУ и совторготделу обкома ВКП(б) поручалось осуществить «чистку» и обновление аппарата финуправления. Всем райкомам партии Кировской области поступило предписание провести тщательную проверку районных финотделов. Областной прокурор Постников обязывался «ускорить следствие о грубейших нарушениях финансовой политики со стороны работников финансовых органов», чьи действия фактически были направлены «на озлобление масс против советской власти»³⁰. Сразу после упомянутого выше заседания бюро Кировского обкома ВКП(б), 18 июля 1937 г., Юрушкин был арестован органами НКВД, а 13 августа решением того же бюро обкома, с формулировкой «враг народа», был исключен из партии (являлся ее членом с 1920 г.)³¹.

По документам партийного архива Кировской области отрезок времени июль – начало сентября 1937 г. воспринимается своеобразным *переходным* к массовым репрессиям периодом. Однако и

²⁹ Там же. Д. 34. Л. 57.

³⁰ Там же. Л. 78.

³¹ Там же. Оп. 5. Д. 2867. Л. 1; Оп. 1. Д. 32. Л. 123.

тогда картина общественной жизни региона продолжала оставаться достаточно пестрой, партийным руководством еще могли быть приняты довольно неожиданные для новой политической обстановки решения. Вот пример событий, дававших обильную пищу для обвинений во вредительстве, которые, однако, не прозвучали. В больнице районного центра Котельнича практически все сотрудники имели свободный доступ к сильно действующим наркотическим средствам (опий, морфий). В родильном отделении скончались пять новорожденных, поскольку медицинская сестра Мельчакова по указанию врача в течение месяца давала детям опий. С летальным исходом отравилась наркотиками медицинская сестра Кузнецова. В связи с этими событиями заведующий районным здравотделом Лебедев был снят с должности, заведующий областным управлением здравоохранения Шубников предупрежден, секретарю райкома ВКП(б) было указано. Но при обсуждении вопроса на бюро обкома партии и вынесении соответствующего постановления (25 июля) никаких намеков на вредительство, как, впрочем, и на троцкизм, не делалось³².

Достаточно аполитично выглядел и следующий сюжет. 15 июля решением партийного обкома отстранен от должности управляющий строительным трестом Кузнецов, который «довел трест до полного развала», в результате чего не выполнен план строительных работ 1936–1937 гг. (в числе прочего ему ставился в вину срыв строительства важного – по масштабам города Кирова – объекта – нового здания Центральной гостиницы). Но никаких обвинений во вредительстве ни ему лично, ни его подчиненным, по крайней мере на этом этапе, также предъявлено не было. В протоколе бюро содержалась лишь голая констатация факта³³. Но все же тенденция политизации экономических провалов и недоработок преобладала и набирала силу.

Так, начало уборки незрелой ржи в колхозе «Свет» Фаленского района было расценено членами бюро обкома как явно вредительское, «антигосударственное, антиколхозное дело»³⁴. В начале сентября руководством области, по сути, единственной причиной развала работы в Сунской (директор Грязнов, заместитель по политической части Жданов) и особенно Шарангской (директор Агулов, заместитель Макулица) МТС была названа вредительская деятельность проникших в трудовые коллективы врагов народа. По принятой версии вредители сознательно портили технику, а во второй из названных станций к тому же «путем всевозможных

³² Там же. Оп. 1. Д. 32. Л. 69.

³³ Там же. Л. 16.

³⁴ Там же. Л. 79.

обсчетов колхозов, срыва договоров, отказа от обслуживания наиболее слабых колхозов вредители ставили своей задачей дискредитировать МТС и вызвать недовольство масс колхозников». Строго под политическим углом зрения рассматривался факт выхода из колхоза членов сельхозартели «Ключ» Малмыжского района. Он был объяснен тем, что по причине недостаточной политико-массовой и воспитательной работы райкома партии в отдельные колхозы пробрались «классово враждебные элементы». И это при том, что к моменту рассмотрения вопроса на бюро люди, вышедшие из колхоза, в него уже вернулись, а «виновники [были]... привлечены к ответственности»³⁵.

В контексте описываемых событий знаковым следует считать принятое 23 августа решение бюро обкома по кожевенному комбинату им. Коминтерна. Его работа за семь месяцев 1937 г. была признана неудовлетворительной, а заводской администрации ставились в вину не только невыполнение плановых заданий, недооценка стахановского движения, но и отсутствие «решительных мер по выявлению и разоблачению контрреволюционных вредительских элементов». Особенно значимым выглядело то обстоятельство, что руководству предприятия было предложено придавать политическое звучание «каждому факту, ведущему к срыву производства...»³⁶ (курсив мой. – В. Б.).

И тем не менее даже на этом этапе мы еще сталкиваемся с разной оценкой однотипных прегрешений. Так, в начале сентября члены бюро постановили лишить должностей «за развал работы» председателей правлений потребительской кооперации Лебяжского и Бельского районов Г.И. Панфилова и В.Г. Казакова, которым при этом не было предъявлено никаких политических обвинений³⁷. Совершенно ясно, что категория «вредительство» носила расплывчатый, довольно условный характер и вполне допускала произвольное толкование.

С конца лета 1937 г. большую популярность в государственной и общественно-политической сферах приобрел (ранее встречавшийся лишь изредка) ярлык «враг народа». Им пестрели страницы центральной и местной прессы, он фигурировал в материалах директивных документов органов управления. В августе, указав на неудовлетворительное выполнение Шарангской районной парторганизацией решений февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б) и указаний Сталина о необходимости укреплять связи с массами, областное партийное руководство – в числе прочего – напомнило

³⁵ Там же. Л. 16, 41, 42.

³⁶ Там же. Д. 34. Л. 12.

³⁷ Там же. Л. 37.

предписание ЦК: «Неотъемлемым качеством каждого большевика в настоящих условиях должно быть умение распознать врага партии, как бы хорошо не был он замаскирован»³⁸.

Жупел «враг народа» наиболее активно был задействован в ключевых для экономики региона сферах – развитии зернового хозяйства и его механизации. Ассортимент политически оцениваемых преступлений заметно расширился во время осенней зерноуборочной кампании. В Нолинском районе, на Медведевском заготовительном пункте отдельные работники смешивали высокосортное зерно с рядовым, заразив к тому же клещем не только старые запасы, но и хлеб нового урожая. Члены бюро обкома однозначно оценили их действия (в первую очередь технического руководителя Рябкина, который к тому же «издевательски относился к женщинам – работницам пункта») как вредительские³⁹. Поскольку положение дел на Медведевском пункте в этом плане не было явлением исключительным в региональной системе Заготзерно и Россортфонда, ущерб экономике области такого рода действиями действительно причинялся огромный. В другом постановлении обкома приводился пример: только на мельнице № 10 «вредительски допущен переход зараженного клещем зерна из 1-й во 2-ю степень в размере 6289 тонн». Еще факт из этой серии: на Турекском пункте Заготзерно (заведующий С.М. Комяков) за последнюю декаду сентября зараженность клещем второй степени возросла со 135 до 1300 тонн⁴⁰. В конечном счете зав. Медведевским пунктом Кочергин «за преступное отношение к приемке и хранению зерна, за отсутствие борьбы с вредительством» 13 сентября был исключен из партии и снят с занимаемой должности. Областная прокуратура получила задание «немедленно привлечь к ответственности виновных во вредительстве на Медведевском пункте Заготзерно», а Нолинский райком партии – указание «мобилизовать партийную организацию пункта и беспартийных рабочих на борьбу с вредительством и на ликвидацию последствий вредительства». 3 ноября «за невыполнение директив ЦК ВКП(б) о борьбе с клещем... засорение областной конторы и пунктов врагами народа» был снят с должности и исключен из партии управляющий областной конторой Заготзерно Н.М. Раков⁴¹.

Темой, пользовавшейся особым вниманием партийных лидеров региона (что было естественно для преимущественно аграрной области), являлось состояние дел на машино-тракторных станциях и

³⁸ Там же. Д. 32. Л. 125.

³⁹ Там же. Д. 34. Л. 59.

⁴⁰ Там же. Л. 97.

⁴¹ Там же. Л. 60, 152.

в машино-тракторных мастерских (МТМ). Дела эти обстояли явно не блестяще по причинам плохого снабжения, организационных и управленческих проблем. Еще в самом начале 1937 г. руководители снабженческих ведомств – Гутапсбыт и Сельхозснаб (управляющие Купчиков и Антонов) – получили грозное предупреждение от обкома ВКП(б), что они будут привлечены к партийной и судебной ответственности, «если не обеспечат бесперебойное снабжение МТС и колхозов запчастями к тракторам, автомашинам и сельхозмашинам материалами и инструментами»⁴². Но на заседании 23 сентября того же года члены бюро обкома признали, что «большинство МТМ и МТС к осенне-зимнему ремонту тракторов не подготовлены. Гутапсбыт и Сельхозснаб не обеспечили необходимые запасы запчастей, материалов, инструментов, а областное земельное управление не осуществило необходимый контроль за их работой. Директора многих МТМ и МТС «не сделали необходимых выводов из ошибок и фактов вредительства прошлого года». Особенно отличился директор Полинской МТС Кукушкин, не организовавший даже ремонт крыши мастерской»⁴³.

Это заседание завершилось без постановлений репрессивного характера, однако вскоре «полетели головы». Уже 3 октября лишены полномочий и были исключены из партии с формулировкой «враг народа» директора МТС А.К. Кулагин, К.К. Рачев и замдиректора Ф.Д. Борисов. 13 октября та же участь постигла директора Воткинской МТС И.Л. Шерстобитова, а 23 октября – Кировской МТС П.А. Погудина. Изгнанный с должности еще в сентябре бывший директор Шарангской МТС Агулов теперь с той же формулировкой покинул партийные ряды⁴⁴. Как «враги народа» в начале ноября сняты с руководящих постов директора Арбажской и Верхошижемской МТС Коновалов и Ф.М. Романов⁴⁵. Дело не ограничилось директорским уровнем.

Несколько ранее, 13 сентября, с клеймом «враг народа» лишены партийных билетов (а следовательно, и административных должностей) заведующий областного земельного управления А.А. Иванов (его место занял И.П. Старухин) и начальник зернового хозяйства облЗУ М.Ф. Гаранин⁴⁶. «За невыполнение директив ЦК ВКП(б) о борьбе с клещем на пунктах Заготзерно, засорение областной конторы и пунктов врагами народа» был уволен с должности и исключен из партии управляющий областной конторой

⁴² Там же. Д. 28. Л. 10.

⁴³ Там же. Д. 34. Л. 77, 78.

⁴⁴ Там же. Л. 101, 140.

⁴⁵ Там же. Л. 172.

⁴⁶ Там же. Л. 68–70, 81.

Заготзерно Н.М. Раков⁴⁷. Та же участь постигла секретарей райкомов Богородского (А.И. Рябчикова), Слободского (А.Х. Столяр, совсем недавно утвержденного в этой должности⁴⁸), заведующего отделом печати и издательств обкома ВКП(б) Ф.М. Вязанкина⁴⁹, председателя Кировского обкома Российского общества красного креста И.Н. Бессонова⁵⁰ и многих других достаточно крупных функционеров.

Кроме жупела «враг народа» и «вредитель», с началом осени в персональных делах, рассмотренных на бюро обкома, появились также некоторые новации иного рода. 13 сентября решением партийного органа были сняты с работы секретарь Кикнурского райкома ВКП(б) Плаксин и председатель райисполкома Мансуров. Помимо довольно типичных претензий к работе функционеров районного звена (ослабление бдительности, засорение управленческого аппарата нарушающими советские законы и соответственно озлобляющими население «классово-чуждыми и враждебными элементами», «слабое развертывание большевистской самокритики», неспособность перестроить работу в соответствии с решениями февральско-мартовского пленума ЦК), обоим руководителям инкриминировалось насаждение семейственности в кадровых вопросах, подхалимства и угодничества. Эти недостатки ставились в один ряд с политическими преступлениями, что нашло отражение и в директивной части постановления бюро: «Провести решительную борьбу с элементами семейственности, подхалимства и угодничества в организации, неуклонно поднимать бдительность коммунистов и обеспечить проведение классовой линии в работе советских, кооперативных, колхозных и других организаций, очистив их от враждебных нам элементов».

На этом же заседании бюро обвинение в насаждении семейственности, подхалимства и угодничества в сочетании с «зажимом самокритики» было также предъявлено теперь уже бывшему первому секретарю Котельничского райкома ВКП(б) Заручевскому (вдгонку он получил еще и выговор по партийной линии), председателю райисполкома того же района Киселеву (отделался строгим выговором) и второму секретарю райкома Домрачеву (выговор). Но в списке прегрешений указанных лиц (и это тоже было новацией в сравнении с предшествовавшими месяцами) важное место заняла следующая разновидность злоупотребления служебным положением. В постановлении бюро говорилось: «...в Котельничском районе

⁴⁷ Там же. Л. 152.

⁴⁸ Там же. Д. 32. Л. 65.

⁴⁹ Там же. Д. 34. Л. 96, 107.

⁵⁰ Там же. Л. 78.

во время слетов и совещаний колхозников и во время праздников широко практиковалась система вечеров и банкетов с угощениями и выпивкой, организуемых за государственный счет». Существенно и то, что на такого рода увеселения районное руководство направляло средства, предназначенные для проведения культурно-бытовых мероприятий. В банкетах, как правило, «участвовал районный партийный актив, во главе с руководящими работниками района, причем ряд вечеров и банкетов закончились скандалами». В конечном счете прокурору области было поручено привлечь к ответственности лиц, «виновных в разбазаривании государственных средств», а заодно и в «искажении линии партии в землепользовании и налоговой политике» (поскольку насилия над крестьянами-единоличниками случались и в этом районе)⁵¹.

В целом же именно в период с середины сентября и в октябре 1937 г. в политической жизни региона произошел перелом в сторону усиления репрессивных действий местной партийной власти. При этом важным направлением «мобилизации масс на борьбу с “врагами народа”» в эти месяцы явилась подготовка к намеченным на декабрь выборам в Верховный Совет СССР на основе новой конституции страны. Областным комитетом ВКП(б), а также районными партийными комитетами была развернута многообразная работа в трудовых коллективах и по месту жительства граждан в плане разъяснения основных положений конституции, сущности новой политико-государственной системы, закона о выборах. Но ключевым звеном разъяснительной кампании выступала не забота о проведении действительно демократических выборов (октябрьский пленум ЦК 1937 г. поставил крест на самой идее их альтернативности [Жуков 2003, гл. 19]), а все та же борьба с реальными и мнимыми врагами советской системы и правящей номенклатуры.

В датированном 13 сентября постановлении по докладу Даровского РК ВКП(б) о его работе по разъяснению «Положения о выборах в ВС СССР» Кировский обком предложил этому райкому (а соответственно всем остальным тоже) «так организовать всю работу по разъяснению избирательного закона, чтобы... еще более были усилены революционная бдительность партийной и комсомольской организаций, рабочих, колхозников и служащих района к врагам народа (троцкистско-бухаринским бандитам, шпионам, церковникам, сектантам и др.) и решительная борьба по *по окончательному и полному их уничтожению*»⁵² (курсив мой. – В. Б.). Еще более выразительно нагнетание политической истерии и стремле-

⁵¹ Там же. Л. 57–59.

⁵² Там же. Л. 61.

ние не допустить какой-либо конкуренции на предстоящих выборах проявились в ходе Второго пленума Кировского обкома ВКП(б) 19–21 октября 1937 г. В докладе его первого секретаря М.Н. Родина был дан отчет о работе недавно состоявшегося октябрьского пленума Центрального комитета ВКП (б) и обозначены задачи, стоящие перед областной партийной организацией на этапе подготовки и проведения выборов в Верховный Совет СССР.

Родин особо подчеркнул, что *главное* в решениях пленума ЦК – это идея совместного выдвижения кандидатов в депутаты на предвыборных совещаниях коммунистов и беспартийных, что в принципе давало возможность, при формально неотменном, хотя и не заявленном однозначно признании принципа альтернативности выборов, поставить выборный процесс под полный контроль партийных комитетов всех уровней и не допустить к активному участию в выборах любых нежелательных номенклатуре лиц. Об этом – почти открытым текстом – говорил докладчик, воспроизводя выдержку из постановления октябрьского пленума ЦК: «Отделение от беспартийных, выступление коммунистических организаций со своими кандидатами только оттолкнуло бы и отделило беспартийных от коммунистов, побудило бы их к выставлению конкурирующих кандидатов, разбило бы голоса, что на руку только врагам трудящихся»⁵³.

Усиление репрессий давало дополнительную гарантию сохранения монополии на власть партийной и советской номенклатуре, поэтому преобладающая часть доклада Родина была посвящена тем угрозам и опасностям, которые исходили от недоразоблаченных «врагов народа». Угрозы эти, впрочем, выглядели в большинстве случаев довольно абстрактно, недостаточно убедительно, а порой и комично. Например, его рассказ о том, как в населенном пункте Пижанка «по 2–3 тысячи рублей на контрреволюционной проповеди собирал поп Стародубцев, [там] провели огромную враждебную работу против нас, собрали около двух тысяч подписей от колхозников, чтобы снова открыть церковь»⁵⁴. Но людям, попавшим под маховик репрессий, было явно не до смеха, а агрессивный настрой местных партийных и советских функционеров, четко отраженный в материале пленума обкома, косвенно свидетельствовал о масштабах набравшей оборот «чистки».

Вот пример довольно типичного выступления в прениях по докладу Родина. Руководитель Сарапульской районной партийной организации Шаронов говорил: «У нас нет ни одного участка, где бы не сидела эта сволочь – и в аппарате уполкомзаг (уполномоченного комитета по заготовкам. – В. Б.). СНК по району, и в Банке,

⁵³ Там же. Д. 24. Л. 4.

⁵⁴ Там же. Л. 11.

и директора основных предприятий были шпионы, троцкисты, их помощники, активные их покровители, и в учебных заведениях руководство возглавлялось этой же сволочью, и в целом ряде других учреждений». Завершался этот пассаж многообещающей фразой о том, что в предвыборный период от Сарапульской партийной организации жизнь требует «еще большей бдительности и разворота практической работы...». Много внимания участники пленума уделили религиозной тематике, причем декларируемая ими «контрреволюционность» церкви сводилась в выступлениях, по существу, к ее растущему влиянию на массы в ряде районов области. Поэтому даже начальник областного управления НКВД Л.П. Газов, также приводивший примеры этого влияния, вместе с тем попытался несколько «охладить горячие головы», обратив внимание на их собственные недоработки. «Для того, чтобы посадить всех попов области, – резонно заявил он, – нужно каких-нибудь два – три дня, но я вас уверяю, что через полгода появятся новые десятки попов... Антирелигиозная работа ведется слабо»⁵⁵.

В последние месяцы 1937 г. процесс репрессий в Кировской области шел по нарастающей, затрагивая различные категории населения. Но особенно видное место среди них (по крайней мере, в отражении документов бюро обкома ВКП(б)) принадлежало руководящим работникам в различных сферах государственной и общественной жизни, включая верхний эшелон местной партийной и советской элиты. В июне 1938 г. новый первый секретарь Кировского обкома ВКП(б) М.Я. Канунников, в определенном смысле подводя промежуточный итог карательной кампании в регионе, в числе репрессированных перечислил и бывших членов двух составов – первой и второй половины 1937 г. – бюро областного комитета партии (с учетом того обстоятельства, что часть из них подверглись арестам за пределами области). Таковых оказалось около половины – А.Я. Столяр, М.Н. Родин, П.К. Легконравов, С.П. Акоюн, Березин, Грачев, Дубинский, Жолудов, Э.Х. Филошкина⁵⁶.

Заключение

Политические репрессии 1937 г. – чрезвычайно сложное явление. Анализ протоколов заседаний бюро Кировского обкома ВКП(б) позволяет (без претензий на исчерпывающую характеристику) выявить определенные тенденции развития этого явления. В самых общих чертах вырисовывается следующая картина. Источниковая

⁵⁵ Там же. Л. 18, 54.

⁵⁶ Там же. Оп. 2. Д. 3. Л. 30.

база данного исследования совершенно недвусмысленно свидетельствует о том, что подавляющее большинство персональных дел, рассмотренных на протяжении 1937 г. членами бюро Кировского обкома ВКП(б), в первую очередь связанных с производственной сферой, экономикой региона, рождались не на пустом месте. В их основе лежали, как правило, реальные проступки, преступления, недоработки фигурантов этих дел. Но требуют критического подхода дела, рассмотрение которых завершалось обвинениями политического характера – в троцкизме, а также – в сознательном и целенаправленном вредительстве.

Политизация такого рода персональных дел (в том числе и тех, где административная и уголовная компонента бесспорна) сплошь и рядом представляется надуманной, искусственно привязанной к исходной базе. Серьезным подтверждением надуманности немалой части такого рода обвинений могут служить факты реабилитации задолго до соответствующих кампаний хрущевского, а затем и горбачевского руководства части репрессированных в ранге «врагов народа». В их числе ранее упомянутые В.Д. Мазуров и Д.Н. Юрушкин. Следствие по делу первого из них, арестованного 13 ноября 1937 г., длилось до 4 марта 1940 г., после чего уголовное дело было прекращено. Выйдя на свободу в изменившейся к лучшему политической ситуации, Мазуров подал апелляцию в Кировский обком ВКП(б), который решением бюро от 23 марта того же года восстановил его в партии, а 14 апреля – снял с него наложенный 9 марта 1937 г. строгий выговор⁵⁷.

Что касается бывшего начальника областного финансового управления Д.Н. Юрушкина, то после ареста в июле 1937 г. он пару лет провел в предварительном заключении, а 1 июля 1939 г. выездной сессией Военного трибунала Уральского военного округа был приговорен к 15 годам лагерей (по пунктам 7 и 8 ст. 58 УК РСФСР обвинялся в подрыве народного хозяйства страны и организации террористических актов против представителей власти). Но менее чем через год, 17 марта 1940 г., постановлением Верховного суда СССР его уголовное дело было прекращено⁵⁸. Как следует из документов персонального дела, после освобождения он уехал в Москву, там подал апелляцию в Комиссию партийного контроля при ЦК ВКП(б), откуда, она, по-видимому, была «спущена» обратно в Кировский обком. На заседании бюро обкома 12 февраля 1941 г. было принято решение восстановить Д.Н. Юрушкина в партии и проинформировать об этом Бауманский райком г. Москвы для выдачи ему новых партдокументов.

⁵⁷ Там же. Д. 1375. Л. 13–17.

⁵⁸ Там же. Оп. 5. Д. 2867. Л. 1, 2.

Однако этим дело не ограничилось, так как Юрушкин подал в Кировский обком еще одну апелляцию с просьбой об отмене строгого выговора, объявленного ему 18 июля 1937 г. Апелляция также была удовлетворена на заседании бюро обкома 19 февраля 1941 г., хотя и с оговорками (похоже, члены бюро таким способом пытались «сохранить лицо»). В решении партийного органа записано: «Учитывая, что т. Юрушкин после допущенных им ошибок был снят с работы зав. областным финотделом и понес наказание по судебной линии, снять с него строгий выговор за не реагирование на сигналы о извращениях финансовой политики на местах»⁵⁹. Публикация об его восстановлении в партии вышла в номере от 30 мая 1941 г. газеты «Кировская правда» – официального печатного органа обкома ВКП(б).

В чем же видятся причины огромной полосы *политически* фальсифицированных процессов рассматриваемого периода? Главный вопрос, невольно возникающий при анализе материала исторических источников, сводится к следующему: зачем, с какой целью обычной уголовщине (а еще чаще – недостаткам в исполнении служебных обязанностей) придавалось политическое обличье? Ответов на него видится несколько.

Во-первых, это делалось для окончательного подавления и искоренения оппозиции (в 1937 г. преимущественно левой), а также для проведения политико-государственной реформы, затеянной сталинской группировкой в руководстве страны. Средствами агитации и пропаганды оппозиции придавался внедряемый в общественное сознание образ «исчадия ада». Соответственно простая и, как правило, надуманная принадлежность к течению, вполне официально именуемому «контрреволюционная, антисоветская, профашистская троцкистско-зиновьевская банда убийц, шпионов, диверсантов и вредителей», рассматривалась как подлежащее суровой каре преступное деяние.

Во-вторых, демонизация оппозиции служила не только цели ее уничтожения. Жупел «троцкизма» использовался для обоснования развязанной летом 1937 г. кампании массовых репрессий, с помощью которых номенклатура (в первую очередь регионального уровня) отсекала от выборов в Советы любых потенциальных конкурентов.

В-третьих, борьбу с коррупцией, иными антигосударственными явлениями большевики с переменным успехом вели с момента возникновения советской власти. Однако именно в 1937 г. борьба эта была возведена в ранг политической. Предъявляемые в таком контексте обвинения служили весьма эффективным, хотя и варвар-

⁵⁹ Там же. Л. 8–10.

ским (то и другое – с учетом тяжести наказаний) средством наведения порядка и укрепления дисциплины во всех сферах государственной и особенно экономической жизни страны, преодоления проявлений безответственности, распушенности, обломовщины; примеров безобразий такого рода архивные фонды содержат огромное количество. Уж очень разными были звучание и последствия обвинений, с одной стороны, в бесхозяйственности, безалаберности, ошибочных решениях, а с другой – в злостном вредительстве, осуществляемом не иначе как врагами народа.

Это был массивный удар по традиционному национальному разгильдяйству, достигшему своего апогея в условиях распада Российской империи, революционных бурь, мировой и гражданской войн, затем – трудно преодолеваемых разрухи и голода, перешедших к тому же в рыночный разгул нэпа. С середины 1930-х гг. быстро нарастала угроза большой войны, времени «на раскачку» не оставалось; ситуация требовала принятия жестких, приносящих быстрый результат мер. Именно в этой парадигме и действовало руководство страны.

В-четвертых, методом навязанных ему номенклатурой репрессий (о чем убедительно пишет Ю.Н. Жуков) И.В. Сталин решал насущную задачу обуздания зарвавшихся региональных «царьков», «чистки», обновления и повышения качества элиты накануне грядущей большой войны. Но осенью 1937 г., что подтверждается и ходом событий в Кировской области, процесс этот начал выходить из-под контроля всесоюзных партийных верхов, угрожая стране политической катастрофой.

Литература

- Жуков 2003 – *Жуков Ю.Н.* Иной Сталин. М.: Вагриус, 2003. 326 с.
- Земсков 1991 – *Земсков В.Н.* ГУЛАГ (историко-социологический аспект) // Социологические исследования. 1991. № 6. С. 10–27; № 7. С. 3–16.
- Земсков 1995 – *Земсков В.Н.* К вопросу о масштабах репрессий в СССР // Там же. 1995. № 5. С. 118–127.
- Ферр 2007 – *Ферр Г.* Антисталинская подлость. М.: Алгоритм, 2007. 464 с.
- Хлевнюк 2010 – *Хлевнюк О.В.* Хозяин: Сталин и утверждение сталинской диктатуры [Электронный ресурс]. М.: РОССПЭН, 2010. 479 с. URL: https://royallib.com/read/hlevnyuk_oleg/hozyain_stalin_i_utvergdnie_stalinskoy_diktaturi.html#0 (дата обращения 25 августа 2019).
- Чемоданов 2019 – *Чемоданов П.А.* Стахановское движение в экономической и социокультурной жизни советской провинции в 1935–1941 годах (на материалах Кировской области). Киров: ИД «Герценка», 2019. 224 с.
- Шубин 2010 – *Шубин А.В.* 1937: АнтиТеррор Сталина. М.: Эксмо, 2010. 349 с.

References

- Zhukov, Yu.N. (2003), *Inoi Stalin* [Another Stalin], Vagrius, Moscow, Russia.
- Zemskov, V.N. (1991), "GULAG (historical and sociological aspect, *Sotsiologicheskie issledovaniya*, no. 6, pp. 10–27; no. 7, pp. 3–16.
- Zemskov, V.N. (1995), "On the scale of repression in the USSR", *Sotsiologicheskie issledovaniya*, no. 5, pp. 118–127.
- Ferr, G. (2007), *Antystalinskaya podlost* [Anti-Stalinist meanness], Algoritm. Moscow, Russia.
- Khlevnyuk, O.V. (2010), *Khozyain. Stalin i utverzhdenie stalinskoj dictatury* [Master. Stalin and the establishment of the Stalinist dictatorship] [Online], ROSSPEN, Moscow, Russia, available at: https://royallib.com/read/hlevnyuk_oleg/hozyain_stalin_i_utvergdienie_stalinskoy_diktaturi.html#0 (Accessed 25 Aug. 2019).
- Chemodanov, P.A. *Stakhanovskoe dvizhenie v ekonomicheskoy I sotsioculturnoi zizhni sovetckoi provintsii v 1935–1941 godakh (na materialakh Kirovskoy oblasti)* [Stakhanov movement in the economic and socio-cultural life of the Soviet province in 1935-1941 (on the materials of the Kirov region)], PH "Gertsenka" Kirov, Russia.
- Shchubin, A.V. *1937: AntiTerror Stalina* [The Anti-Terror of Stalin], Eksmo, Moscow, Russia.

Информация об авторе

Владимир И. Бакулин, доктор исторических наук, профессор; Россия, Краснодарский край, 354393, г. Сочи, Адлерский р-н, пос. Липники, ул. Липецкая, д. 49; vla20190220@yandex.ru

Information about the author

Vladimir I. Bakulin, Dr. of Sci. (History), professor; bld. 49, Lipetskaya Str., Lipniki village, Adler District, Sochi, 354393, Krasnodar region, Russia; vla20190220@yandex.ru